

А. А. ЛИХАНОВ,
*председатель Российского детского фонда,
президент Международной ассоциации детских фондов,
академик Российской Академии образования*

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

Я окончил школу в 1953-м, в год смерти Сталина. Я дитя войны, и моей социализацией были военные годы. Страх за своего отца, голод, столовая дополнительного питания, куда самые тощие дети получали талончик... Там были и так называемые «шакалы» — дети, у которых таких талонов не было. Они прорывались в эту столовую сквозь целый блок тетенок, которые их не пускали. Они садились рядом за стол и просили: «Мальчик, оставь...», хотя мы никогда так друг друга не называли. Мы говорили «пацаны» или «эй, ты!», но не «мальчик». Это было вежливое обращение голодного к тому, у кого есть какая-то котлетка или иная еда.

Мне кажется, что «социализация» — не очень точное слово. О войне мы, конечно, всегда говорим как о страшном испытании. Все это справедливо, но ведь война еще дала нам великую, если хотите — педагогичес-

кую, возможность. Она отняла все лишнее, пустое и обнажила все истины, среди которых, конечно же, на первый план вышла любовь.

Я хочу рассказать про свою учительницу Аполлинарию Николаевну Тепляшину. Она прожила 96 лет и 70 лет проработала в школе. В 1949 году, когда я у нее учился в 4-м классе, она получила второй орден Ленина. Тогда учителям давали ордена за выслугу лет. А в то время, когда она получила первый орден Ленина, эти награды сопровождались и денежной премией. Учительница нам, детям, говорила: «Я не могу себе позволить истратить эти деньги на себя, пусть это даже очень маленькие деньги». И она покупала единственное, что можно было приобрести без карточек, — витамин С в аптеке. Мы начинали учиться в 8 утра, при свете коптилок, электричества не хватало. И каждое утро она

проходила с дежурным по классу, который нес эмалированную кружку с водой. Ополаскивала в ней серебряную ложечку и давала каждому в рот по одной витаминке. Когда премия закончилась, она стала покупать нам витамины на свою крошечную учительскую зарплату. Когда и эти деньги иссякали, она заваривала хвою в ведре и каждое утро весь наш класс, 30 человек, заставляла выпивать по ложке этой горькой настойки, спасавшей нас от болезней.

Это уже не образование, это гораздо больше — любовь. Аполлиария Николаевна до революции была учительницей в той же школе, где мы учились. Тогда это была церковно-приходская школа, рядом стоял храм. После революции храм был заколочен, а школа работала. Аполлиария Николаевна проработала в этой школе практически всю свою жизнь — 70 лет.

Я написал повесть о своей учительнице — «Крестная». Она была крестной матерью для огромного количества людей: ее бывших учениц, учеников, их детей. Одна учительница сумела создать вокруг нашей начальной школы некую духовную конструкцию.

Среди учениц Аполлиарии Николаевны была почтальонша, которая во время войны носила похоронки, в том числе и ее ученикам. Но прежде чем доставить скорбное письмо адресату, эта женщина приходила к своей учительнице, и та ее наставляла, что делать. Так, однажды одну похоронку Аполлиария Николаевна забрала себе и просила почтальоншу молчать. Отдала она эту похоронку матери, у которой было большое сердце, лишь после того, как сама подготовила ее к этой весте.

Что это, образование? Это слово мне ужасно не нравится, оно сегодня стало довлеющим в нашем обществе... Нет, это воспитание. Это русская традиция. Ушинский и все наши классики говорили «воспитание». Воспитание, которое включает в себя образование. Образование — часть сердечности, точнее, даже милосердия, русской ментальности. Любовь — вот главное.

Что такое военная школа? У меня есть диалогия — «Русские мальчики» и «Мужская школа», посвященная этому периоду. Наша начальная школа была смешанной. Затем я перешел в школу для мальчиков. Мужская школа была жесточайшей системой социализации. Когда мы пришли туда, даже материться-то по-настоящему не умели, а там, если открываешь рот и у тебя, как говорится, нет «аргументов», то ты уже изгой. Я это прошел, когда меня лупили коллективно, когда

была система «косылок». Меня спас спорт. Где-то в 6-м классе я однажды зашел на детский стадион и там увидел своего товарища еще по детскому саду. У него отец был тренером на этом стадионе. И приятель предложил мне: давай к нам в секцию. И я стал ходить в две секции — лыжную и легкоатлетическую. Вскоре наши одноклассники увидели, что во время лыжных соревнований я их обгоняю. И это помогло доказать, что я не хуже других, а может, в чем-то и лучше.

Эта суровая социализация саморегулирующегося детского сообщества практически не описана нашей наукой. Что происходит между детьми во дворе, на помойке, какие там бывают сделки и договоры, особенно сегодня? Вот где истинная социализация. И кого эта нынешняя «школа жизни» готовит?.. И где наши современные Аполлиарии Николаевны?

В честь своей учительницы я учредил премию ее имени, выковал на московском Монетном дворе самую настоящую медаль, добился учреждения соответствующей государственной премии к ней. Теперь наш Фонд вместе с городом и областью ежегодно вручает шесть таких наград — только учителям начальной школы. Потому что Аполлиария Николаевна была учительницей начальной школы. Часть премии выделяется мной и составляет 10 тыс. рублей, это мои личные гонорары. Я не считаю возможным даже деньги Фонда на это брать, потому что Аполлиария Николаевна — моя учительница. Это мое, может быть, частное дело, но я хочу, чтобы оно стало общественным.

В каждом регионе есть замечательные учителя. Сегодня учителя нужно вознести. Думается, что надо вернуть ордена за выслугу лет учителю. Что такое двадцать лет в школе, если не истинная любовь? А учительское сообщество выявит и выделит само, кто достоин звания «Истинный учитель» и премии в 100 тыс. рублей.

Да не деньги нужны людям, а честь, которая дороже ста тысяч. Так же, как миллион, выделенный для школы, почти не деньги. А еще огромная отчетность за них — это просто издевательство.

К сожалению, сегодня деньги во всем выступают на первый план. И тут я хочу наши власти укорить. Что же они, кроме денег, ничего не видят? Что это за бред — деньги за рождение второго ребенка? Вчера сюжет показали: москвичка живет в двенадцати квадратных метрах. У нее в первый раз родилась двойня, а во второй раз — тройня.

Гражданский муж сразу слинял. (Мужик сегодня вообще слаб стал, не выдерживает ничего, не только подобных ситуаций.) У нее — пятеро детей и двенадцать метров на всех. И ничего нет, только деньги за этих детей от государства. И она говорит: «На работу надо выходить». А что же с детьми?.. Вот вам и социальное сиротство. А если что-нибудь с ней случится, поедут эти несчастные дети по всей державе, из одного сиротского заведения в другое.

Второе связанное с денежным интересом направление сейчас — массовое закрытие детских сиротских заведений. Я сам очень критически отношусь к практике наших государственных сиротских заведений, но нельзя же так просто уничтожать систему, которая строилась множество лет, не предлагая ничего взамен! Правда, принято решение за три года раздать в семьи 70 тыс. детей из сиротских заведений. Всего их там 250 тыс. Соблазняют взрослых, соблазняют деньгами — 6 тыс. на ребенка, 2,5 тыс. — вознаграждение. Не зарплата, чтобы не оплатить весь социальный пакет, а вознаграждение. В Мурманской области, соответственно, 11 тыс. плюс 4 тыс. рублей. За 15 тыс. люди соблазняются, берут ребенка.

Думаю, что если 10 % этих детей останется в семьях, это будет великая победа, но 90 % все же поедут назад. А куда они поедут, если все детские дома уже будут закрыты? ПТУ у нас есть, туда могли бы идти, но ПТУ сегодня никому не нужны и тоже закрываются. Поэтому я предсказываю мощный социальный катаклизм в ближайшие годы. На этом новом витке вновь поднимется преступность.

Еще один денежный синдром нашего времени — массовое закрытие малобюджетных сельских школ. У меня только один пример из моей родной Кировской области. Там в Санчурском районе есть малокомплектная сельская школа, где, кажется, всего семь учительниц. Школу хотели закрыть. Что сделали эти женщины? Зная, что можно взять ребенка, они взяли каждая по два, три и даже по четыре ребенка из детских домов. Таким образом они собрали новый коллектив учеников, и школа не закрылась. Сироты — под

их опекой и попечительством, женщины за них деньги получают, кроме того, они сохранили эту малокомплектную школу. Что из этого получится — давайте посмотрим. Получается, только эти женщины защищают родную землю, обездоленных детей и свою эту школку несчастную. Ну, разве можно так строить отношения с народом?! Мне кажется, народ вообще не участвует сегодня ни в чем. Каково целеполагание нашего государства в его реформах, известно ли оно кому-нибудь? Мне — нет. Что мы делаем, куда идем?.. Пока у нас не будет глобального целеполагания, у нас ничего не произойдет, все будут готовиться к работе в магазине, все будет опускаться, разрушаться, и никакое образование, мне кажется, не поможет.

Что касается сиротства, то ежегодно в течение последних пяти лет в нашей стране прибывает 120 тыс. детей, оставшихся без родителей; по нашему мониторингу, с 1988 по 2006 год в Российской Федерации был 1 млн 611 тыс. сирот, многие из которых уже не дети — они уже во взрослом мире.

Сирота во взрослом мире — явление неисследованное, непонятное, но точно известно, что это несчастный человек. Мало кто из них устраивается. Конечно, есть некоторые ребята, прорвавшиеся в вузы. В вузах, кстати, сегодня созданы неплохие условия, чтобы сирота состоялся. Но добраться до высших учебных заведений большинству все-таки не удастся. При советской власти главная установка всех министерств была «сиротам — в вуз», и экзамены принимали со льготами, и места были, и, самое главное, им давали ход. А сегодня что?.. Я был в одном детском доме Челябинской области. Спрашиваю: «Ну, как дальше?» — «После 8-го класса — все в ПТУ». А после ПТУ, как вы знаете, в вуз пойдет не более 0,1 % детей.

Всем нам нужно непрестанно и упорно трудиться над решением этих проблем отечественного образования, потому что, образно говоря, впереди просветов не видно, дожди сплошные. И что мы будем с этим делать — я, честно говоря, не знаю. Мои представления о детстве, будущем детства, самые печальные, даже трагические. Извините за пессимизм.